

Сияющий мундир, рассеянный взгляд — ну как не узнать Сергея Безрукова?

Морока с морошкой

КАК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН ПРЕВРАТИЛСЯ В СЕРГЕЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БЕЗРУКОВА

ЖЗЛ

Антон ДОЛИН

«ПУШКИН. ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ» — НАЗВАНИЕ НОВОЙ РЕЖИССЕРСКОЙ РАБОТЫ НАТАЛЬИ БОНДАРЧУК ГОВОРИТ САМО ЗА СЕБЯ. И ВСЕ-ТАКИ КАЖДОМУ СКАЖЕТ ЧТО-ТО СВОЕ.

Не ваше всё

170 лет со дня дуэли Пушкина с Дантесом — эту мрачную годовщину человечество будет отмечать через два месяца. Даже самый отчаянный пушкинист не увидит сегодня смысла в том, чтобы «еще раз рассказать публике» об обстоятельствах смерти поэта. Нет уж: если поминать инцидент с Дантесом, то с единственной целью: рассказать всю правду. Впрочем, всей правды не знает никто — иначе бы не писались до сих пор объемистые многотомные труды, посвященные причинам и последствиям той дуэли. Плюс к тому кино — не монография, ссылок в титры не поставишь, и любая система доказательств будет неизбежно хромать. Особенно в рамках отведенных на фильм полтора часов с хвостиком.

Поэтому вместо доказательности необходима уверенность. Представляя свой фильм журналистам, Наталья Бондарчук сперва попыталась объяснить, как труден будет прокат подобной картины, а затем, не увидев искомого понимания в глазах, вдруг перебила себя на полуслове, махнув рукой: «Гасите свет, начинайте». Скажете, тут уверенностью и не пахнет? Ошибаетесь. Авторы фильма полны пессимизма именно потому, что уверены: нашего Пушкина вам не понять. Покажем, раз так принято, мы люди вежливые. А уж зрителю совесть подскажет, на чьей он стороне...

Поляризация «своих» и «чужих» в фильме доведена до предельного накала. Для Бондарчук в одиозном словосочетании «наше всё» смысловое ударение, безусловно, падает не на многозначительное «всё», а на патристическое «наше». В том, что Пушкин был «наш», вряд ли усомнится хоть один россиянин,

но что значит «наш»? Бондарчук, впрочем, знает ответ. Наш — значит русский. Споры ведутся не только об истинных причинах дуэли, но и о цвете волос и глаз Пушкина, что позволило авторам новейшего фильма сделать поэта светловолосым (чуть рыжеватым) и отчетливо-голубоглазым. Забудем на время о Ганнибале. А забыть о нем немудрено, если учесть, что роль Александра Сергеевича сыграл Сергей Безруков.

Он русский, и это многое объясняет. Вернее, объясняет абсолютно все. Он хорош собой, улыбчив, страстен. Он прекрасно читает стихи: громко, отчетливо, шуря глаза и скаля зубы, энергично размахивая руками. Он любит царя, и даже предлагает тому в момент шутильной откровенности поступить к нему на службу дворником. И православен от души (тут уж никаких шуток, ни-ни!). Он ни за что не изменил бы жене — да и она ему не стала бы: как изменить такому! У кого-то может возникнуть смешной вопрос: «Кто «он», Безруков или Пушкин?» — но ответ дать невозможно. В глазах Бондарчук они нераздельны.

Само собой, погибнуть случайно такой человек никак не мог. Что гадать на кофейной гуще, листая ветхие бумаги? Конечно, убили! И думать нечего, сразу ясно — кто. Для Натальи Бондарчук расклад очевиден, как в шахматах: раз Пушкин был белой фигурой — по ту сторону баррикад стояли черные. Он был честен во всем? Значит, убили лжецы. Любил Россию? Значит, убили иноземцы и шпионы. Писал хорошие стихи? Значит, убили бездари. Был моногамен (да-да, именно так) и гетеросексуален? Значит, убили шлюхи и педерасты. Дантес, Геккерен, Нессельроде. Фамилии-то какие! Уже противно.

Не рассчитывая на успешный прокат или фестивальную судьбу для своей картины, Бондарчук может утешаться тем, что слава и власть — всегда в руках чужаков, а на стороне Пушкина — кучка поэтически настроенных безумцев. Именно таким выглядит в ее глазах Михаил Лермонтов (гримеры облагородили

Евгения Стычкина как смогли), который в финале выпрыгивает из кибитки, везущей его в ссылку на Кавказ, и пытается догнать встречные сани. А в них шеголевато развалился амнистированный царем Дантес — он, мразь такая, едет в Париж, чтобы поступить на службу к Луи Бонапарту. Догадываетесь, кто виноват в Крымской войне,

...И вот над зрителем нависает гигантская физиономия Безрукова, неряшливо обклеенная густыми бакенбардами

унесшей жизни миллионов россиян? После этого смешно думать, что смерть Лермонтова на дуэли — случайность. Обо всем этом сообщают финальные титры.

Кое с кем на дружеской ноге

Сколь угодно долго можно смеяться над фильмом «Пушкин. Последняя дуэль». Произведение беззащитное: наивно-пафосная музыка Ивана Бурляева, бедные интерьеры, неубедительная массовка, ряд анахронизмов. В ряду актеров хватает профессионалов высокого уровня — например, Андрей Ильин (Данзас) или Борис Плотников (Дубельт), — но грубоватая пассионар-

ность Безрукова и Анны Снаткиной (Наталья Николаевна) сводят на нет все их усилия. Сценарий заунывен, прямолинеен и предсказуем.

Культурный человек все это поймет и без подсказки газетных рецензентов, а бескультурный пусть узнает что-то новое о гибели литератора со смутно знакомым именем. В эпоху, когда слово «Пушкин» даже у москвича чаще ассоциируется не с позеленевшим памятником, а с модным рестораном наискосок через дорогу, любая ерунда сойдет за просветительский проект.

Интересно другое. «Наш всё» в новейшее время имеет фантастическое поле покрытия. Он вездесущ и незрим. Он так знаком, что может не выходить на сцену: это еще деликатный Булгаков заметил в своих «Последних днях». Пушкин — это и лубочный красавец с палехских шкатулок, и идиот, едва умевший усидеть на стуле, из скетчей Хармса (созданных почти одновременно с драмой Булгакова), и фетиш школьной программы, мастерски разобранный Андреем Битовым в «Пушкинском Доме». Пушкин — это космос и вместе с тем расщепленный атом. Так на него и смотрят: то в телескоп, то в микроскоп. Стронники первого метода не переносят поклонников второго — потому-то Галина Вишневская («ужель та самая Татьяна...»), топнув ногой, уходит с премьеры остроумной постановки «Евгения Онегина» Дмитрием Черняковым. Радетели большого стиля снимают о Пушкине кино, и вот над зрителем нависает гигантская физиономия Безрукова, неряшливо обклеенная густыми бакенбардами. А умники из театрального мира то уменьшают Александ-

Бакенбарды: новая поросль

Очередной виток «поп-пушкинистики» в постперестроечную эпоху открыли подзабытые ныне «Бакенбарды». В своей лучшей комедии Юрий Мамин предсказал многое — в частности, превращение Пушкина из советского пропагандистского клише в предмет торговли на идеологическом рынке. Среди прочего Мамин представил гениальную теорему, неоднократно испытанную автором этих строк на себе: для неприметного русского народа любой человек в бакенбардах окажется похож на Пушкина. В том фильме ее доказывал Виктор Сухоруков. В картине Бондарчук он же играет роль совсем серьезную: полковника-следователя, радеющего за Россию и поэзию, но вынужденного под воздействием коррумпированных властей (Бенкендорф — тоже нерусская фамилия!) оправдать Дантеса. Парадигма меняется, но дело Мамина живет: настало время и Безрукову, чья сглаженная внешность и в страшном сне не напомнит острочерты пушкинский профиль, податься в Пушкины.

Безруков ест морошку будто по принуждению, выполняя нелепое предписание жизни-сценаристики, — зато с каким упоением читает у подножия Медного Всадника строки одноименной поэмы, с каким смаком роняет слезу, как странно тискает жену! Он, может, невысок, зато помыслами велик. Смеяться не над чем: наше нынешнее всё — не кто иной, как Сергей Витальевич Безруков. Самый популярный (а значит, лучший) актер своего времени пришел к людям с телеэкрана: на ТВ сыграл он главные свои роли — Саши Белого, Есенина, Иешуа Га-Ноцри. Теперь, с Пушкиным, канонизация Безрукова успешно завершается. Позор «Поцелуй бабочки» и прочего трэша будет смыт, за Безруковым окончательно закрепится амплуа профессионального гения. Ведь в спектакле своего отца Виталия Безрукова он уже играл Пушкина, а в другой театральной постановке — Моцарта.

Невыразительный блондин с тусклым огоньком в глазах — вполне опознать своего автора «Евгения Онегина» по бакенбардам, создателя «Волшебной флейты» — по напудренному парикю. Возрастной рубеж Иисуса он преодолел в этом году, через четыре года станет старше Пушкина — но подходящие роли на этом не кончатся. Мало ли гениев еще на Руси, да и во всем мире? Кто их сыграет, если не он?

Пушкин?